

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Хельмут Грайнер

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ ВЕРМАХТА

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

1939–1943

Хельмут Грайнер

**Военные кампании вермахта.
Победы и поражения. 1939-1943**

«Центрполиграф»

Грайнер Х.

Военные кампании вермахта. Победы и поражения. 1939-1943 /
Х. Грайнер — «Центрполиграф»,

Известный военный историк Хельмут Грайнер посвятил свою книгу деятельности Верховного командования вермахта в первые годы Второй мировой войны. Используя материалы журнала боевых действий вермахта, который автор вел в 1939 – 1943 годах, он составил подробный отчет о действиях оперативного штаба в подготовке и проведении кампаний на Западном и Восточном фронтах. Оценивая политическую обстановку и военное положение в Европе накануне больших сражений, Грайнер приводит тексты оперативных директив Гитлера на операции «Везерюбунг», «Морской лев», «Зонненблуме», «Марита», «Барбаросса» и др. Особенно интересны выдержки из записей журнала боевых действий штаба оперативного руководства, касающиеся переговоров Гитлера с командующими вермахта и руководителями союзных государств. В приложении представлены данные о командном составе вооруженных сил Германии, даны сведения о расположении войск в решающих сражениях.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хельмут Грайнер
Военные кампании вермахта
Победы и поражения
1939-1943

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Военная история» выпускается с 2002 года

ВВЕДЕНИЕ

На страницах этой книги предпринята попытка подробного изложения деятельности Верховного командования вермахта в первые годы Второй мировой войны. Автор считает необходимым пояснить, почему имеет право взяться за столь сложное дело и чем он располагает для выполнения подобной работы.

С 1920 по 1939 год я работал в историческом отделе государственного архива и военно-историческом научно-исследовательском институте в Потсдаме над официальным историческим трудом о мировой войне 1914 – 1918 годов. Учитывая мою многолетнюю военно-историческую деятельность, 18 августа 1939 года я был откомандирован в отдел обороны страны¹ Верховного командования вермахта (ОКБ) для ведения журнала боевых действий в предстоящей военной кампании против Польши.

Верховное командование вермахта с февраля 1938 года имело в своем составе управление оперативного руководства, которое 8 августа 1940 года было переименовано в штаб оперативного руководства, со службой, занимающейся главным образом получением разведывательных сведений из-за границы (абвер), управление военной экономики и вооружений, управление комплектования личного состава, правовое управление и центральное управление. Особенно важным было управление оперативного руководства, что следует уже из его названия. В него входил отдел обороны страны, служба связи и отдел пропаганды. С началом войны руководство управлением принял генерал-майор Альфред Йодль, который до ноября 1938 года возглавлял отдел обороны страны и одновременно управление оперативного руководства². Помимо руководителя ОКБ, тогда генерал-полковника Кейтеля, ближайшим советником Гитлера по всем вопросам Верховного командования вермахта был Йодль. Отдел обороны страны был его рабочим штабом. Он состоял из офицеров от всех трех видов вооруженных сил вермахта³, которые собирали исходные данные для принятия решений Верховным главнокомандующим, разрабатывали и подготавливали директивы для ведения военных действий. Вследствие этого он мог пользоваться авторитетом, как подлинный руководитель штаба оперативного руководства вермахта, но дорос до этой важнейшей работы не сразу.

С началом войны в формирующейся ставке фюрера начали действовать прежде всего генерал-полковник Кейтель со своими двумя адъютантами и генерал Йодль с молодым офицером Генштаба из отдела обороны страны. В дальнейшем к ним присоединились: полковник Шмундт, главный адъютант фюрера, три адъютанта от разных видов вооруженных сил вермахта, генерал Боденшатц, офицер связи главнокомандующего люфтваффе, обергруппенфюрер СС Вольф, офицер связи рейхсфюрера СС, адъютант от СА при фюрере обергруппенфюрер Брюкнер, глава партийной канцелярии Борман, президент имперской палаты печати доктор Дитрих, посланник Гевель – представитель министерства иностранных дел, оба личных врача Гитлера – профессор Моррель и профессор Брандт, фотограф Гитлера Гофман, а также небольшая личная охрана из военнослужащих СС. С этой личной свитой после соответствующего объявления в рейхстаге Гитлер 3 сентября 1939 года отправился в поезде особого назначения на Польский театр военных действий. Военным комендантом ставки фюрера первоначально был генерал-майор Роммель. Ему подчинялся так называемый батальон сопровождения фюрера, подразделение полностью моторизованное, состоящее из рот пехоты, танковой

¹ Отдел обороны страны принял функции министерства обороны. (Примеч. ред.)

² В мирное время должность руководителя управления оперативного руководства не была занята. (Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. авт.)

³ Сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота. (Примеч. ред.)

разведки и танков, а также смешанный зенитный дивизион. Им надлежало обеспечить защиту Гитлера на театре военных действий.

Отдел обороны страны остался в Берлине под руководством полковника Варлимонта. Вследствие территориального удаления от передовых частей вермахта его работа очень осложнилась и во время Польской кампании ограничивалась, по существу, составлением на основании донесений частей вермахта ежедневной оперативной сводки для Гитлера, которая каждое утро отправлялась по телетайпу в поезд Гитлера, и предоставлением других необходимых данных. Он участвовал в составлении директив для ведения военных действий, в которых Гитлер излагал командованиям отдельных видов вооруженных сил вермахта свои общие указания касательно ведения операций, занимался редактированием других военных распоряжений. Инструкции получались по телефону. Полковник Варлимонт лишь однажды – 20 сентября – удостоился личной беседы с генерал-полковником Кейтелем и генералом Йодлем в штаб-квартире фюрера, которая тогда располагалась в отеле-казино в Сопоте. Главнокомандующие видами вооруженных сил вермахта во время той кампании тоже располагались со своими штабами вблизи Гитлера. Верховное командование сухопутных войск имело штаб-квартиру, получившую кодовое название «Цеппелин», в Цоссене, недалеко от Берлина, Верховное командование ВМФ осталось в Берлине, а оперативный штаб люфтваффе обосновался в Вильдпарке под Потсдамом и назывался «Курфюрст».

26 сентября Гитлер со своей свитой вернулся из Сопота в Берлин в новую рейхсканцелярию, где он находился в течение всей зимы, за исключением нескольких более или менее продолжительных пребываний в Бергхофе в Берхтесгадене, и откуда он руководил Норвежской кампанией. В те зимние месяцы для запланированного большого наступления против западных держав была подготовлена постоянная штаб-квартира в замке и имении Цигенберг, западнее Бад-Наухайма. Здесь должен был работать и небольшой, первоначально ограниченный 14 офицерами, полевой эшелон отдела обороны страны. Таким образом, начальник управления оперативного руководства больше не был оторван от своего рабочего штаба, что было сочтено вредным в период Польской кампании. Гитлер также желал в будущем иметь в непосредственной близости от себя главнокомандующих сухопутными силами и люфтваффе с оперативными штабами, чтобы было легче влиять на них. Поэтому для них были построены штаб-квартиры в Гиссене и его окрестностях. Однако, когда ранней весной штаб-квартира фюрера в Цигенберге была достроена и снабжена бетонными бункерами и пещерами в скалах, Гитлер, ко всеобщему удивлению, объявил, что не переедет туда, потому что это «далеко». Он пожелал вместо этого занять одновременно оборудованный для него командный пункт в Эйфеле⁴. Еще два командных пункта были возведены в Пфальце и Шварцвальде. Первый из вышеназванных находился на возвышенности непосредственно над Мюнстерайфелем и состоял из многочисленных, хорошо замаскированных на поросшем лесом холме бункеров для Гитлера и его приближенных. В расположенной поблизости деревне Родерн был предусмотрен внешне ничуть не изменившийся, зато внутренне полностью перестроенный крестьянский двор – место расквартирования сотрудников отдела обороны страны, коменданта штаб-квартиры Гитлера с его штабом, части свиты фюрера и его личной охраны, состоящей из нескольких офицеров и рядовых СС.

В эту первую стационарную штаб-квартиру за пределами Берлина, получившую название Felsenest («Гнездо в скалах»), Гитлер въехал 10 мая 1940 года, то есть в день начала наступления на Западе, вместе со своей свитой и полевым эшелоном отдела обороны страны, который отныне входил в состав штаб-квартиры фюрера. Его штатный состав был значительно расширен, поскольку в первоначально одобренном Гитлером составе (14 офицеров) он оказался неработоспособным. Теперь он состоял из оперативной группы «Армия» с четырьмя,

⁴ Эйфель – северо-западная часть Рейнских сланцевых гор. (Примеч. пер.)

«Военно-морской флот» – с одним и «Люфтваффе» – с тремя офицерами соответствующих видов вооруженных сил вермахта, квартирмейстерской группы с двумя офицерами и одним военным чиновником. Кроме того, в него входила группа связи с четырьмя офицерами, офицер, занимавшийся ведением журнала боевых действий, и шесть офицеров и чиновников для выполнения регистрационных и управленческих функций. К этому следует добавить офицеров связи отделов пропаганды, абвера, управления военной экономики и вооружений, которые в основном размещались не в Родерне, где не хватало места, а в Мюнстерайфеле. В целом теперь рабочий штаб начальника управления оперативного руководства насчитывал 25 офицеров и чиновников, а также в два-три раза большее количество рядового персонала – писарей, телеграфистов, телефонистов и водителей. В Берлине из отдела обороны страны оставалось по одному-двум офицерам вышеназванных групп и вся организационная группа, потому что ее сфера деятельности – организация, структура, вооружение и снабжение вермахта – требовала тесного контакта с гражданскими властями. Главнокомандующий и начальник Генерального штаба сухопутных войск со своими офицерами 10 мая обосновались в лесном барачном лагере юго-восточнее Мюнстерайфеля. Оттуда до штаб-квартиры фюрера было полчаса езды на автомобиле. Также рядом были поставлены поезда особого назначения люфтваффе и его оперативного штаба.

В «Гнезде в скалах» Гитлер оставался до начала второй стадии немецкого наступления на западе – атаки через Сомму и Аисне в южном направлении. На следующий день штаб-квартира переехала в Брюли-де-Пеш, небольшую бельгийскую деревушку, расположенную в лесу примерно в 9 километрах к северо-северо-западу от Рокруа. Она была очищена от местных жителей, и в течение восьми дней там работали строители из Организации Тодта. Для Гитлера в лесу был построен бетонный бункер. Его приближенные жили в невзрачных деревенских домах, сотрудники отдела обороны страны – в деревянных бараках. Главное командование сухопутных войск расположилось в непосредственной близости от Шиме, а главнокомандующий люфтваффе со своим штабом оставался в подъехавшем к Динану поезде особого назначения. Для продолжения наступления была предусмотрена третья штаб-квартира фюрера в Форет-де-Монтань, южнее Реймса, которая, однако, из-за быстрого завершения кампании не была занята. После подписания перемирия в Компьене и прекращения военных действий 25 июня Гитлер со своей свитой отправился в Шварцвальд на 1000-метровую гору Книбис западнее Фройденштадта, где в течение зимы был сооружен передовой командный пункт, получивший название Танненберг. О более поздних пребываниях Гитлера на этом командном пункте будет рассказано в соответствующих разделах данной книги.

Центральное место в распорядке дня штаб-квартиры с самого начала занимал доклад о текущей обстановке, который имел место регулярно в полуденные часы. В первые годы войны обстановку докладывал Гитлеру только генерал Йодль на основании каждое утро составляемых отделом обороны страны сводок. Вместе с этим Гитлер высказывал свои мысли относительно дальнейшего ведения операций, разбирал со своими военными советниками меры, которые следовало принять, формулировал, по большей части после продолжительных колебаний, свои решения и давал указания разрабатывать директивы и приказы видам вооруженных сил вермахта. После полудня Гитлер выслушивал доклады правительственных и партийных инстанций, а вечером генерал Йодль докладывал ему о полученных в течение дня сообщениях от штабов вермахта. Главнокомандующих и начальников Генеральных штабов сухопутных сил и люфтваффе фюрер до начала Восточной кампании принимал нерегулярно, а только от случая к случаю, когда возникала необходимость, для изложения их понимания обстановки и формулировки предложений или заслушивания директив и указаний. Как правило, он довольствовался телефонными разговорами. Главнокомандующий ВМФ примерно раз в две недели передавал ему доклад об обстановке на море.

Во всех стратегических и оперативных вопросах генерал Йодль постепенно становился единственным советником фюрера. Тем самым он взял на себя роль, к которой его подталкивало неумное честолюбие. Но только он с ней не вполне справлялся. И если он действительно имел острый интеллект, богатые военные знания и явно выраженные способности к решению оперативных проблем, все же ему не хватало необходимой для такой должности силы характера, а его интеллекту – некой внутренней прозорливости, которая в условиях неопределенности войны позволяет найти правильный выход. Он не поднялся над основной массой очень способных и опытных офицеров Генерального штаба. Из-за полного отсутствия психологического чутья и знания человеческой природы он с самого начала видел в Гитлере политического и военного гения, к которому был привязан и которому подчинялся охотно, вплоть до самоотречения. В ежедневной совместной работе с Гитлером Йодль постепенно стал считать свою компетентность недостаточной и со временем опустился до уровня безынициативного помощника. Крайне сдержанный в служебном и личном общении, он отличался простотой и неприхотливостью.

Шеф ОКБ при решении всех оперативных вопросов вскоре отошел на второй план. В его сферу деятельности входили следующие вопросы: организация, структура, вооружение и оснащение вермахта, его пополнение людьми и техникой, а также проблемы военной экономики. Для этих многоплановых задач генерал-полковник, а с 19 июля 1940 года генерал-фельдмаршал Кейтель, при хорошем интеллекте, старании и выносливости, бесспорно был вполне пригоден. Впрочем, на своем высоком и весьма влиятельном посту, по сути, первого военного советника Гитлера из-за все больше бросавшейся в глаза слабости характера был абсолютно неуместен. Гитлер, которому он был слепо предан и униженно покорен, видел в нем полезный рабочий инструмент и вполне подходящего человека для должности шефа ОКБ – более сильную личность на этом посту он бы не потерпел. Командной власти над видами вооруженных сил вермахта шеф ОКБ не имел, он, скорее, стоял наравне с их главнокомандующими и во многом им уступал.

Из непосредственного военного окружения Гитлера особую роль играл главный военный адъютант фюрера от вермахта полковник, а позднее генерал Шмундт, поскольку он имел внушительное влияние при распределении командных должностей в вермахте, прежде всего в сухопутных войсках. С 1942 года, помимо своего адъютантства, также руководил управлением личного состава армии. Он служил Гитлеру, в котором видел не просто гения, но также величайшего государственного деятеля и полководца всех времен, с преданностью нибелунгов и педантично старался не дать упасть даже малейшей тени на своего хозяина и господина. Следствием такой абсолютно не критической позиции, возникшей, пожалуй, на основе идеальных взглядов, стало то, что главный адъютант был вовсе не тем, чем, по сути, должен был быть, – представителем вермахта при фюрере. Он был лишь творением Гитлера. Этот сам по себе ничтожный человечиска нес на себе тяжелый груз вины. Именно он укрепил Гитлера в вере в собственную гениальность и непогрешимость. Он также ответственен за ошибочные назначения на высокие командные посты и, как шеф управления личного состава сухопутных сил, – за проведенное главным образом из политических соображений и превысившее все разумные меры омоложение офицерского корпуса.

Офицеры отдела обороны страны, как в Берлине, так и в штаб-квартире фюрера за пределами германской столицы, по службе имели дело только с этими троими людьми из окружения фюрера. Их начальник, сначала полковник, позднее генерал Варлимонт – весьма одаренный, преданный своему долгу и работоспособный офицер, получал указания по работе своего отдела в процессе ежедневных долгих совещаний с генералом Йодлем и генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Он получал подробную информацию о мотивах, соображениях и планах фюрера и, со своей стороны, мог доложить свои предложения в форме памятных записок или донесений, содержащих оценку обстановки, правда, он не мог быть уверен, что эти документы дей-

дут до высшего руководства. С Гитлером в первые годы войны он вступал в контакт, только если замещал временно отсутствующего или заболевшего начальника управления оперативного руководства или чтобы доложить порученные лично ему особые вопросы. Тот факт, что он, истинный руководитель военного рабочего штаба фюрера, первоначально не привлекался к докладам об оперативной обстановке, имевшим место каждый поддень, объясняется, с одной стороны, тем, что Гитлер не желал видеть в привычном узком кругу новые лица. С другой стороны, причиной тому явилось существующее стремление генерала Йодля быть единственным советником Верховного главнокомандующего вермахтом по всем оперативным вопросам.

В центре ежедневного рабочего процесса отдела обороны страны стояло также проводимое в первой половине дня совещание по оперативной обстановке, на котором руководители оперативных групп «Армия», «ВМФ» и «Люфтваффе» на основании полученных накануне вечером и ночью донесений видов вооруженных сил вермахта подробно докладывали о событиях на театрах военных действий, а руководители квартирмейстерской группы и офицеры связи других отделов и управлений ОКБ докладывали информацию по своему ведомству. Таким образом создавался общий фундамент для работы разных ведомств и обеспечивалось ее согласование. В дальнейших подробных обсуждениях генерал Варлимонт передавал своим руководителям групп соображения, планы и решения Верховного командования и указания, по которым разрабатывались директивы и другие приказы.

С расширением войны увеличивался объем работы и значение отдела обороны страны, правда, главным образом вследствие того, что Гитлер подчинил действовавшие на отдельных театрах военных действий армейские соединения, такие как «Норвегия», «Африка», «Финляндия», непосредственно себе, стало быть исключив главное командование сухопутных войск (ОКХ). А на западе и позднее на Средиземноморье прямо подчиненные ОКБ командующие использовались для единого руководства находившихся там соединений всех трех составляющих вермахта. Для этих так называемых театров военных действий отдел обороны страны ОКБ частично исполнял функции оперативного отдела Генерального штаба армии, что делало необходимым расширение его личного состава, который пока оставался крайне ограниченным. Начальник отдела обороны страны генерал Варлимонт стал исполняющим обязанности начальника управления оперативного руководства и начал регулярно принимать участие в совещаниях у Гитлера. Его оперативные группы «Армия», «ВМФ» и «Люфтваффе», а также в дальнейшем оставшаяся в Берлине организационная группа были расширены до отделов, равно как и квартирмейстерская служба. Служба связи вермахта и отдел пропаганды остались в подчинении у начальника управления оперативного руководства.

Что касается журнала боевых действий, его при главных штабах вермахта должен был вести помощник одного из старших офицеров Генштаба помимо своих основных служебных обязанностей. Для отдела обороны страны это было неприемлемо, потому что его журнал боевых действий фактически являлся журналом Верховного командования вермахта и в качестве такового имел огромное значение как источник данных для последующих исторических исследований. При важности и большом объеме содержащихся в нем материалов он не мог вестись одним из офицеров Генерального штаба, работавших в отделе, так сказать, между делом. Напротив, его необходимо было доверить тому, кто посвятил всего себя только этой сложнейшей работе, был к ней подготовлен и обладал чувством ответственности перед историей. Поэтому генерал Йодль, еще будучи полковником и начальником отдела обороны страны в 1938 году, распорядился, чтобы к ней был привлечен один из высокопоставленных сотрудников военно-исторического научно-исследовательского института сухопутных войск. И во время мобилизации 1939 – 1940 годов я был назначен для выполнения этой работы, после того как уже привлекался предшествовавшей осенью во время Судетского кризиса в отдел обороны страны с аналогичной целью.

Как составитель журнала боевых действий, я принимал участия во всех важных совещаниях, проводимых в рамках отдела обороны страны и, соответственно, управления оперативного руководства и получал все протоколы больших совещаний у Гитлера, составляемые чаще всего офицером генерала Йодля и отредактированные им самим. В дополнение к этому я был почти ежедневно, по большей части в послеполуденные часы, информирован генералом Варлимонтом подробно и откровенно о ситуации, мотивах и ходе мыслей Гитлера, позиции его советников, а также главнокомандующих и высших офицеров видов вооруженных сил вермахта, работе других отделов и управлений ОКБ. Когда такая ориентация идет из третьих рук, это, безусловно, является отрицательным моментом. Однако в сложившихся обстоятельствах главным была отличная память и несомненная добросовестность начальника отдела и его чувство ответственности перед историей. Его рассказы вкупе с уже упоминавшимися протоколами, моим участием в совещаниях и имеющейся у меня возможностью ознакомления со всеми входящими и исходящими документами помогли мне вести исчерпывающий и правдивый журнал боевых действий. Я диктовал их изо дня в день, используя заметки, которые делал на всех совещаниях, и личные рассказы, а также на основании официальных документов, причем с ходом войны объем материала сильно увеличился, и приходилось ограничиваться самой сутью. Генерал Варлимонт, а время от времени и генерал Йодль проверяли правильность сделанных мною записей. Так за три с половиной года, в течение которых я вел журнал боевых действий, появился внушительный ряд объемных томов, текст которых был напечатан на пишущей машинке. К ним в отдельных папках прилагались особенно важные документы.

Весной 1943 года я был откомандирован к немецкому генералу при штаб-квартире итальянских вооруженных сил в Риме. Мой преемник, историк из Геттингена, профессор доктор Перси Эрнст Шрамм, вел журнал боевых действий штаба оперативного руководства вермахта сначала в той же, потом в несколько измененной форме до самого конца войны. В начале мая 1945 года журнал вместе со всеми без исключения приложениями по указанию исполняющего обязанности начальника штаба оперативного руководства генерала Винтерса⁵ был уничтожен в районе Берхтесгадена, так что эти важные исторические документы навсегда утрачены. Копии более или менее обширных фрагментов за период 1943 – 1945 годов оказались в руках американцев. Лично я располагал копией журнала боевых действий за период с 1 августа 1940 до 24 марта 1941 года и некоторыми отрывками, касающимися других отрезков времени, предшествовавших и последующих. Последние имели особое значение, поскольку в них речь шла о первоначальных вариантах самых важных отрывков журналов, которые, учитывая позицию Гитлера, пришлось заменить ослабленными формулировками. У меня также были копии отдельных директив и памятных записок. Более того, у меня сохранилась большая часть моих ежедневных рукописных заметок, по которым я диктовал записи в журнале боевых действий, а именно с 8 августа 1940 до 25 июня 1941 года и с 12 августа 1942 по 17 марта 1943 года.

В остальное время я, к сожалению, уничтожал свои заметки после их использования в журнале боевых действий. При выполнении этой работы в моем распоряжении находился обширный и первоклассный справочный материал, касающийся чрезвычайно важного, благодаря плану Гитлера, периода времени от конца Западной кампании до начала Восточной. Изображая Верховное командование вермахта в первый военный год и меры Гитлера, принятые летом 1939 года, я мог опираться, помимо упомянутых отрывков дневников, также на другие источники. Сначала – на записи в журнале боевых действий, которые вел капитан Генерального штаба армии Дейле, работая в отделе обороны страны с марта до августа 1939 года, а затем как офицер Генерального штаба при генерале Йодле – до июня 1940 года. Потом моим источником были фотокопии в высшей степени содержательных дневников генерала Йодля с 13 октября 1939 до 30 января 1940 года и, наконец, очень подробные отчеты

⁵ Генерал Варлимонт осенью 1944 года был отправлен в отпуск «по болезни».

генерала Варлимонта, составленные им осенью 1945 года о предыстории кампании против Польши и планировании и осуществлении Западной кампании. Третья к этому времени работа генерала Варлимонта о «Военно-политических событиях вокруг кампании против Советского Союза» (*Militärische Vorgänge um den Feldzug gegen Sowjetrußland*) явилась для меня ценным дополнением и подтверждением моих собственных заметок о планировании Восточной кампании. Плохо обстояли дела с материалами о первом годе этой кампании. Ибо помимо нескольких страниц журналов боевых действий, копий отдельных директив и сделанных мною в то время выписок из журнала боевых действий из большой памятной записки Гитлера от 22 августа 1941 года у меня, к сожалению, ничего не осталось. Поэтому мне пришлось в конце концов отказаться от намерения написать девятую главу данной книги с целью отразить ход Восточной кампании с точки зрения Верховного командования вплоть до катастрофы под Сталинградом. В значительной степени я опирался на появившуюся, пригодную для моих целей, но не слишком обширную литературу, тем самым отклонившись от принятого мною изначально главного принципа – использовать для своего повествования только имеющиеся в моем распоряжении богатые и содержательные источники. Мне также казалось нецелесообразным перепрыгивать через первый год Восточной кампании и на основании моих материалов изображать только события, которые непосредственно привели к капитуляции под Сталинградом и в Тунисе, а значит, и к решающему повороту в ходе войны. Нельзя забывать, что последние находятся в тесной взаимосвязи с предшествующими событиями и должны рассматриваться в качестве таковых. Вместо этого я решил в приложении к этой книге привести важнейшие из моих рукописных заметок за период от 12 августа 1942 до 17 марта 1943 года дословно. Я хотел, чтобы читатель имел непосредственное представление о руководящей деятельности Гитлера как Верховного главнокомандующего вермахтом, причем в то самое время, когда немецкая армия потерпела тяжелейшие поражения в своей истории.

Мне остается только рассказать о впечатлении, которое лично на меня произвел Гитлер. При этом я старался, чтобы сложившаяся тогда картину не изменили полученные впоследствии описания. Для меня было особенно важно войти в личный контакт с Гитлером – ведь я заносил в журнал боевых действий в первую очередь ход мыслей, мотивы и решения Гитлера, как Верховного главнокомандующего вермахтом. Но я, как и офицеры отдела обороны страны, не мог посещать совещания у фюрера. Зато к началу Западной кампании, когда была построена штаб-квартира фюрера в районе Мюнстерайфеля, Гитлер приказал, чтобы к ужину каждый раз приглашался офицер или сотрудник его военного рабочего штаба. К этому его подтолкнул полковник Шмундт, который хотел, чтобы сотрудники штаба таким образом вступали в более тесный контакт с фюрером. Он обмолвился о сильном влиянии этого круга лиц, которые, как и ближайшее окружение фюрера, должно было быть связано с ним на веки вечные. Этой традиции придерживались во время Западной кампании и возобновили ее с началом кампании против Советского Союза в штаб-квартире фюрера «Волчьего логова» («Вольфшанце») в Восточной Пруссии. Так продолжалось до осени 1942 года. Когда штаб-квартира фюрера находилась на Украине, вблизи Винницы, начались серьезные конфликты Гитлера с его военными советниками, и он прекратил свое участие в общих трапезах. Между тем с конца Западной до начала Восточной кампании Гитлер находился преимущественно в Берлине – в новой рейхсканцелярии или в Бергхофе, где не имел обыкновения принимать пищу в большой компании.

Итак, я всякий раз, когда до меня доходила очередь, принимал участие в этих ужинах, в первый раз – вскоре после начала наступления на Западе. После всего, что Гитлер – диктатор и выходец из низов – совершил (на пользу или во вред немецкому народу – об этом речь не идет), я ожидал увидеть человека, на лице которого была бы печать величия. В этом я жестоко обманулся, ибо человек, которого я видел в «Гнезде в скалах» перед бункером, где располагалась небольшая, но роскошная столовая, и потом имел возможность наблюдать вблизи на протяжении двухчасовых вечерних «посиделок», вовсе не имел «печати гения» на лице.

Мне нередко приходилось слышать от встречавшихся с Гитлером людей, что самое большое впечатление производят его лучистые серо-голубые глаза. Этому я, всегда стремившийся к непредубежденности, подтвердить не могу. Его глаза не произвели на меня впечатления, они вообще не могли оказывать влияния, поскольку никогда не были направлены спокойно и прямо на собеседника, а постоянно бегали, так что поймать взгляд Гитлера было невозможно. Тем самым создавалось впечатление, что он вообще не видел людей. Во всяком случае, его глаза были полностью лишены блеска и выразительности, они были не ясными и живыми, а, наоборот, тусклыми и ничего не говорящими и не придавали лицу ни силы, ни внушительности. Лицо было совершенно заурядным и не имело черт, говорящих о силе духа или характера. В то же время в лице Гитлера не было ничего дьявольского или демонического, как нередко утверждают сегодня – после всего происшедшего. Оно было абсолютно незначительным и некрасивым. Швейцарский писатель Макс Пикар, в 1945 году опубликовавший книгу «Гитлер в нас самих», сказал, что, если подумать, какой социальный слой выглядит примерно как Гитлер, придешь к выводу, что такие лица встречаются среди уличных торговцев и фотографов на курортах. Утверждение саркастичное, но по большому счету вовсе не ошибочное. А если добавить плохую фигуру, некрасивые жесты и неэлегантную одежду, можно с полной определенностью сказать, что общее впечатление от его внешности было в высшей степени неблагоприятным и не внушающим трепет.

На ужинах, на которых не было гостей – только ближайшее окружение, составлявшее в среднем 16 человек, так же как и на подчеркнуто простых обедах, Гитлер сидел в середине одной из длинных сторон стола, обычно между генералом Йодлем и Дитрихом, напротив располагался генерал-фельдмаршал Кейтель между рейхслейтером Борманом и генералом Боденшатцем или обергруппенфюрером СС Вольфом. Гитлер вел себя естественно, без позерства, присущего ему во время публичных выступлений, в нем не чувствовалось скованности и принуждения. Он вмешивался в разговоры за столом, если они касались интересующих его тем, или сам начинал беседу о каком-нибудь злободневном событии. Тогда он обычно не обращался к кому-либо конкретно, ни на кого не смотрел, а, уставившись поверх голов собравшихся за столом куда-то в пустоту, пускался в пространные рассуждения, которые почти всегда были довольно интересны, поскольку он свободно излагал свои мысли и говорил откровенно. Эти рассуждения позволяли получить представление о его духовном своеобразии и разъясняли мотивы его поступков. Его формулировки, почти всегда излагавшиеся в наставительной форме, действовали ошеломляюще вследствие того, что он сложнейшие проблемы в самых разных областях знаний сводил к простым фундаментальным фактам и на первый взгляд излагал вполне понимаемым образом. Его доверчивым приверженцам – а ближайшее окружение фюрера состояло только из таких людей – все это казалось очевидным признаком его гениальности. Если же объективно проверить его изречения на истинность, по большей части окажется, что, безусловно, высокоодаренный самоучка изрекает примитивные формулы, не продумав до конца суть проблемы и представляя ее такой, какой ему хочется видеть.

Такие впечатляющие, но слишком простые формулы служили Гитлеру хорошую службу, когда он, как это часто происходило, рассуждал о немецкой или мировой истории и делал из них выводы для современных военных и политических событий. При этом ему сослужила хорошую службу замечательная память на все, что он когда-то читал или слышал. Высказывания фюрера позволяли предположить, что он лишь поверхностно занимался историческими вопросами и никогда не имел времени на глубокое изучение проблемы. Его опрометчивые, зачастую необъективно критические и нередко несостоятельные суждения оказывали в высшей степени неприятное впечатление, поскольку произносились с претензией на непререкаемый авторитет. Бросалось в глаза присущее Гитлеру высокомерие, и с годами оно укрепило в нем сознание собственного величия. В своих религиозных убеждениях он не поднялся выше чистого рационализма и материализма, при которых все чувства исключались. Заговаривая об

этом, что иногда бывало, он никогда не предпринимал сильных нападков на церковь, правда, был против протестантизма, чье духовенство считал ограниченным и реакционным, но в католицизме многое оправдывал и прославлял. Было нелегко решиться выступить против высшего католического духовенства, которое громило национал-социализм с церковных кафедр и к тому же могло свободно выражать свою политическую точку зрения. Отталкивающее впечатление производило льстивое и вероломное одобрение, которое вызывало выступления против церкви и христианства в ближайшем окружении фюрера, которое вообще при каждом удобном случае стремилось превзойти других в подхалимстве. То, что Гитлер, когда вспоминал о своем становлении как личности, изображал мотивы, которыми руководствовался в своих поступках, или рассуждал о ходе войны, зачастую ссылаясь на Провидение и называя себя не иначе как инструментом в руках высшей силы, могло создать впечатление о нем как о глубоко религиозном человеке. Лично я считаю, что тут скорее проявилась владевшая им абсолютная вера в себя и вместе с тем определенная доля актерства, от которого он никогда не был свободен. Гитлер, несомненно, обладал актерскими способностями, хотя, скорее всего, не такими большими, как считало его окружение. Генерал Йодль однажды сказал мне после ужина, во время которого фюрер удивительно точно и комично подражал крестьянству из Верхней Баварии, что Гитлер, если бы не почувствовал в себе призвания стать крупным государственным деятелем и большим полководцем, непременно стал величайшим актером Германии.

За столом фюрер с особенным удовольствием высказывал свои мысли об искусстве, в первую очередь об изобразительном искусстве и архитектуре. В этой области он считал себя экспертом и настоящей творческой личностью, хотя в ней, как, собственно, и во всех остальных областях, был не более чем дилетантом, которому не хватало глубокого понимания искусства. Литература и философия представлялись ему в большей или меньшей степени чуждыми, ибо, вопреки своей привычке говорить обо всем и обо всех, он обращался к ним редко, разве только чтобы в своих максимах сослаться на Ницше, как это было принято у национал-социалистов, или обругать самыми грязными словами Томаса Манна. С величайшими немецкими умами он предпочитал не связываться: к Гете был совершенно равнодушен, а в музыке, которую любил, прежде всего с большим энтузиазмом почитал Вагнера. Иными словами, в искусстве его особенно привлекала и захватывала помпезность, излишества и грандиозность.

По крайней мере, в одной области Гитлер уж точно мог чувствовать себя как дома – в современной технике. К ней он проявлял необычайный интерес и имел бесспорные способности. Ему неоднократно приходилось повергать своего слушателя в величайшее изумление, демонстрируя обширные, основательные, детальные знания. На память фюрер никогда не мог пожаловаться. Несомненно, в этой области у него возникали плодотворные идеи, и он смотрел далеко вперед, когда речь шла о возможностях дальнейшего развития. Поэтому он рано понял огромную роль техники, и в особенности моторов в современной войне, и начал со всей возможной энергией проводить механизацию вермахта, во многом вопреки пассивному сопротивлению кадровых военных, которые, пребывая под властью традиций, взирали на быструю механизацию с определенным скепсисом. Гитлер был прямо-таки типом технически настроенного человека, хомо фабер⁶ современной цивилизации, и проявлял всю односторонность и недостатки этого типа. Прежде всего, у него давал себя знать полный упадок всех душевных сил, причем в угрожающей мере. Особенно неприятным было то, что ему, казалось, были чужды все человеческие ощущения. Я никогда не слышал от него слов, которые бы обнаружили, что у него в груди бьется теплое человеческое сердце. Напротив, все его высказывания выявляли все более и более аморальную личность, которой владеет только неутолимое честолюбие и неукротимое стремление к безграничной власти⁷.

⁶ Хомо фабер – человек-кузнец (*лат.*), также роман Макса Фриша. (*Примеч. пер.*)

⁷ Между тем Германский институт истории национал-социализма (Deutsche Institut für Geschichte der nationalsozialistischen

Чтобы коротко охарактеризовать Гитлера и объяснить, несомненно, присущую ему силу внушения, ближе всего к истине будет назвать его демонической натурой, где под демонизмом подразумевается, как говорил Гете, сила если не противоречащая моральному порядку мироздания, то перекрещивающаяся с ним. Здесь уместно привести выдержку из «Поэзии и правды» Гете.

«Страшнее всего проявляется это демоническое начало, когда оно получает преобладающее значение в каком-нибудь одном человеке. В течение моей жизни я наблюдал нескольких таких людей, частью вблизи, частью издали. Это не всегда выдающиеся люди, отличающиеся умом или талантами; редко они выделяются сердечной добротой, но от них исходит огромная сила, и они имеют невероятную власть над всеми созданиями, даже над стихиями, и кто скажет, насколько далеко может простираться такое действие. Все объединенные нравственные силы ничего не могут сделать против них; напрасно более сознательная часть человечества хочет сделать их подозрительными, как обманутых или обманщиков. Массу они привлекают по-прежнему. Редко или никогда не встречаются среди современников другие люди подобного склада, и никто не может одолеть их, кроме Вселенной, с которой они вступили в борьбу. Из таких-то наблюдений и происходит, вероятно, странное, но имеющее огромное значение изречение: «Nemo contra deum nisi dues ipse» («Никто не против Бога, разве только сам Бог»).

Zeit) в Мюнхене опубликовал «Разговоры Гитлера за столом в штаб-квартире фюрера в 1941 – 1942 гг.» (Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941 – 1942) по заметкам доктора Генри Пикера. Как я установил путем выборочной проверки, эти застольные речи были практически аутентичными. Жаль только, что издатель, профессор доктор Герхард Риттер, счел необходимым первоначальную временную последовательность заменить размещением в предметные рубрики. Таким образом, у читателя может сложиться совершенно неверное впечатление об этих гитлеровских монологах. В качестве примера того, какую форму они принимали в действительности, я далее приведу краткие тезисы, которые единственный раз сделал непосредственно после вечерней трапезы у Гитлера. Всем участникам обедов и ужинов было запрещено записывать высказывания Гитлера. В моих записях значится следующее: «31.03.1942. Вечером с 8.00 до 10.39 ужин у фюрера. Он рассказал, что во второй половине дня у него на докладе был посол фон Папен и рассказал о недавно учиненном на него покушении. Покушавшийся, нанятый русскими грек, имел с собой дымовую бомбу, которая, как он полагал, должна была помочь ему скрыться после покушения. Фактически она была начинена легко взрывающейся смесью и разнесла бы его на атомы. Об этом рассказала сопровождавшая его женщина. Далее фюрер поведал, что Турция хочет новый торговый договор на поставку вооружения более чем на 150 миллионов. Идея привлечь ее в качестве союзницы привлекала его больше, чем панславистская Болгария. Бурная встреча советской футбольной команды в Софии спустя восемь дней после оставшегося практически незамеченным возвращением болгарского премьер-министра из Вены после вступления Болгарии в союз с Германией. Турция – самый дешевый союзник, страж Дарданелл. Отсюда безусловная необходимость восстановления старых отношений. Затем фюрер перешел к разговору о старом немецком кайзере. Его стремления на запад и на юг. Называть Карла Великого саксонским палачом – вздор. Стремление отдельных немецких правителей на восток грешит против имперской идеи, это неверность кайзеру. Старый германский рейх возник из силы, христианства и древней идеи. Пример – старая Римская империя, чьим преемником он стал, отсюда и название Священная Римская империя германской нации. Но с римской церковью никаких дел. Большие преимущества выборных императоров по сравнению с наследственной монархией. Совершенно ничтожный князь не может стать кайзером. В противоположность этому при наследственной монархии велик процент полностью неспособных правителей. При несовершеннолетнем монархе регентство открывает путь для всяческих интриг. Отсутствие собственного мнения у юного монарха, который является игрушкой в руках его окружения. Протекционизм и кумовство. Пагубная склонность к семейственности Наполеона I – корсиканское наследие. Все его братья и сестры были полностью неспособными и моральными уродами. Есть еще статуя Полины работы Кановы. Трещина в жизни Наполеона, когда он был коронован императором. Таковым он не был признан другими правителями. В качестве первого консула он был более велик. Бетховен разорвал посвящение своей Героической симфонии Наполеону, когда узнал о его коронации. Грубейшая ошибка – выбор Марии-Луизы в супруги – она была чужеземкой. Жозефина, возможно, и стерва, но все же не так плоха, какой ее сделали, поскольку в первую голову – француженка и связана с революцией. Правитель не должен иметь семью, смирившись с необходимостью думать только о благе своей страны. Фридрих Великий – величайший властитель XVIII в. ка, во всех отношениях превосходил Наполеона. Он всегда оставался только вождем, не делая себя герцогом или кем-то еще. Смехотворный маскарад. Обозначение рейхсканцлер – нелепость, подразумевает кайзера и может быть применено только к Бисмарку. После этого гиганта остались только заморыши, позор видеть на таком посту Брюнинга и Вирта. Сегодня республика – лучшая форма государственного устройства с сильным лидером, но не от народа, а от сената. Этот лидер нуждается в некоторых поправках парламента с ограниченными правами. Четкое разделение законодательной и исполнительной власти. Образец для выбора лидера – папские выборы. Католическая церковь в организации очень велика, а в своих догмах – смехотворна. Если она при этом смогла выдержать 2000 лет, почему тогда национал-социалистическое государство не сумеет продержаться дольше? Лучшее в национал-социалистической идее – признание всякой дельной работы. После войны надо добиться отмены диалектов. Отвратительного говора низших слоев Вены, Мюнхена и Берлина. Если бы великие немецкие писатели творили на диалекте, от их работ уже ничего бы не осталось. А они подготовили объединение Германии».

Глава 1 ПЛАН «ВАЙС»

21 марта 1939 года, спустя несколько дней после захвата Праги, министр иностранных дел фон Риббентроп от имени Гитлера предложил Липски, польскому послу в Берлине, решить проблему Данцигского коридора при помощи заключения немецко-польского соглашения. Согласно этому договору Данциг должен был возвращен Германии, которая также получала железнодорожные и автомобильные транспортные пути, связывающие ее с Восточной Пруссией, и таким образом окончательно признавала коридор и польскую западную границу. Гитлер уже делал подобные предложения в октябре 1938 года и затем в январе 1939 года, однако польское правительство уклонялось от серьезного обсуждения. Ответом Польши на новое проявление немецкой инициативы стал меморандум, который 26 марта немецкий посол вручил министру иностранных дел. В нем был отказ в предоставлении транспортных путей через коридор. Также там была выражена готовность обсудить с немецким правительством возможность упрощения сквозного проезда для немецких граждан. Польша не согласилась передать Данциг, но предложила совместные польско-немецкие гарантии свободного города. Посол добавил, что ему неприятно, но он должен указать на то, что всяческие дальнейшие стремления немецким правительством цели получения Данцига будут означать войну с Польшей. Уже за три дня до этого в Польше были предприняты меры по частичной мобилизации и стягиванию войск на границе с Данцигом. В разговоре с немецким послом в Варшаве 29 марта польский министр иностранных дел Бек оправдывал эти мероприятия тем, что после происшествий в Чехословакии и Мемеле все усиливающиеся требования вернуть Данциг воспринимаются польской стороной как сигнал тревоги. Он объяснил, что, если Германия попытается в одностороннем порядке изменить статус свободного города, для Польши это станет «казусом белли».

Эти события стали последним поводом к тому, что Гитлер стал в очередной раз планировать войну с Польшей. В конце марта начальник ОКВ генерал-полковник Кейтель уведомил начальника отдела обороны страны полковника Варлимонта⁸ о том, что фюрер дал распоряжение главнокомандующим видами вооруженных сил вермахта до конца августа подготовиться к военным столкновениям с Польшей, которые казались неизбежными⁹. Польская твердая позиция, занимаемая в отношении всех попыток Германии мирно решить проблему Данцигского коридора, и мероприятия по мобилизации, проводимые в Польше, вынудили Гитлера принять подобные меры. Для Верховного командования каждой из составляющих частей вермахта Верховное командование вермахта должно было составить короткую директиву, в которой необходимо было изложить главное из военных распоряжений, которые уже отдал фюрер.

В результате вышла «Директива о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939 – 40 гг.». В ее I и III частях излагались положения об обеспечении границ немецкого рейха и овладении Данцигом. А II часть была посвящена плану «Вайс», как условно назвали план наступления на Польшу. I и III части были отправлены 11 апреля, а II была передана частям вермахта еще 3-го числа того же месяца. Наиболее существенные части этой директивы уже были опубликованы. Здесь же будет достаточно воспроизвести самые важные моменты II части.

⁸ Полковник Варлимонт, не оставив своего поста, исполнял также обязанности начальника управления оперативного руководства.

⁹ В какой конкретно день было дано подобное распоряжение, точно установить не удалось. Вечером 25 марта Гитлер уехал в Мюнхен, 27-го вернулся в столицу рейха. 1 апреля он был в Вильгельмсхафене, присутствовал при спуске на воду линкора «Тирпиц». Соответственно, Гитлер мог отдать подобное распоряжение главнокомандующим составляющими вермахта лишь между 27 и 31 марта, при этом необходимо учитывать, что главнокомандующий люфтваффе генерал-фельдмаршал Геринг находился в Италии с 21 марта по 18 апреля.

В ней говорится, что нынешняя позиция Польши требует помимо обеспечения охраны восточной границы проведения военных приготовлений, чтобы в будущем исключить все возможные угрозы с польской стороны. Отношение немцев к Польше продолжало определяться основополагающим принципом – избегать любых столкновений. Однако стоит Польше занять угрожающую для рейха позицию, и, невзирая на договор о ненападении от 26 января 1934 года, последуют ответные действия. Их целью станет уничтожение польской оборонной мощи и создание на востоке обстановки необходимой для обороны страны. Самое позднее, с началом конфликта, вольный город Данциг будет объявлен территорией Германии. Политическое руководство считает своей задачей при таких обстоятельствах изолировать Польшу, то есть ограничить военные действия только Польшей. А из-за неблагоприятной обстановки во Франции и, соответственно, пассивности Англии подобная ситуация может наступить в самое ближайшее время.

Военные распоряжения директивы ограничивались несколькими предложениями. Там говорилось, что для уничтожения польских вооруженных сил необходимо подготовиться к неожиданной атаке, во время которой можно вступить на южный фланг словацкой территории. А на северном крыле необходимо как можно быстрее установить воссоединение между Померанией и Восточной Пруссией. Скрытая или открытая мобилизация допустима только накануне наступления в самый поздний из всех возможных сроков. Было необходимо подготовиться к началу операции так, чтобы можно было использовать уже имеющиеся в распоряжении формирования, не дожидаясь планомерного развертывания мобилизованных соединений. А уже от политической ситуации зависело бы то, будут ли развертываться все силы, необходимые для обеспечения границ на западе, или какая-то их часть останется свободной, и ее можно будет использовать для других целей.

Разработка плана «Вайс» была нацелена на то, чтобы его можно было осуществить в любое время начиная с 1 сентября 1939 года. Для этого Верховному командованию вермахта было поручено составить плановую таблицу взаимодействия и согласовать временные рамки между мероприятиями трех своих составляющих. Последние должны были сообщить свои планы до 1 мая и предоставить данные для составления таблицы взаимодействия.

Согласно тексту этой директивы еще точно не ясно, решил ли Гитлер уже тогда в конце марта не принимать во внимание все прочие возможности для войны с Польшей. Да и то обстоятельство, что наступление фактически началось в ранее назначенный день – 1 сентября 1939 года, ничего не доказывает, так как временные рамки, естественно, зависели от его величества случая, что и показали события в последние дни августа. Истинные намерения Гитлера стали очевидными из его речи, с которой он выступил 23 мая перед главнокомандующими видами вооруженных сил вермахта и начальниками Генеральных штабов армии и люфтваффе в имперской канцелярии в Берлине во время обсуждения ситуации. При этом он без обиняков заявил, что при конфликте с Польшей речь будет идти не о Данциге, а о расширении жизненного пространства на востоке и обеспечении пропитания для немецкого народа во время борьбы с западными державами. Польша и так уже находилась на стороне врагов Германии, поэтому и речи быть не могло о том, чтобы щадить ее. Первую же появившуюся возможность необходимо использовать для атаки на Польшу. Самым важным является изоляция Польши. Дело не должно дойти до одновременного столкновения с западными державами. А если же не будет твердой уверенности в том, что последние при конфликте с Польшей останутся в стороне, тогда уж лучше напасть на западные державы и тем самым разделаться с Польшей.

Потом Гитлер стал рассуждать о мерах, которые необходимо будет предпринять в случае вмешательства Англии и Франции в войну с Польшей. Однако, в сущности, тогда он верил в подобную возможность так же мало, как и потом. И это несмотря на то, что британский премьер-министр Чемберлен 31 марта объявил в палате общин о том, что британское правительство считает своим долгом в случае угрозы польской независимости оказать Польше любую

возможную помощь. И, несмотря на то что несколько дней спустя между британским правительством и находящимся в Лондоне польским министром иностранных дел была достигнута договоренность заменить это временное, данное Британией польской стороне обещание долгосрочным взаимным соглашением, Гитлер считал маловероятным, что Англия ради Данцига и коридора пойдет на риск возникновения новой мировой войны. Он склонялся к мнению, что подобное поведение британского правительства продиктовано стремлением сохранить свой престиж в мире и при помощи грандиозного обмана удержать Германию от дальнейшего следования к внешнеполитическим целям.

Летом 1939 года в соответствии с этой точкой зрения Гитлер почти не вел приготовлений к войне с западными державами. Он ограничился наиболее необходимыми мерами обороны, а перед общественностью с использованием всех пропагандистских методов подчеркнул неприступность Западного вала, чье строительство было еще далеко от завершения. Подготовка вермахта к кампании против Польши началась в апреле. В подробностях описать ее нельзя из-за недостатка данных. В том, что касается сухопутной армии, подготовка в первую очередь заключалась в раннем призыве резервистов и рядовых старших возрастов на весенние учения, создании учебно-тренировочных подразделений (дивизии второй и третьей волны) и формировании 14 новых дивизий, приказ о создании которых Гитлер отдал лично (четвертая волна). Таким образом, в случае войны сухопутная армия выросла на 102 дивизии¹⁰. Далее по предложению главного командования сухопутных войск в течение лета некоторое количество дивизий должно было отправиться на немецко-польскую границу для окопных работ. Подготовка к первым большим осенним маневрам танковых соединений вблизи польской границы, приуроченным к 25-й годовщине битвы при Танненберге, также была лишь маскировкой для мероприятий, связанных с настоящим развертыванием войск против Польши. План операции, разработанный Генеральным штабом армии, был изменен, как позже будет объяснено, по инициативе Гитлера и еще раз проверен во время поездки представителей Генерального штаба, проходившей в самом разгаре лета под руководством начальника Генерального штаба армии, генерала артиллерии Гальдера. Дальнейшие приготовления вермахта происходили согласно «плановой таблице взаимодействия для плана «Вайс», составленной Верховным командованием вермахта на основе данных, предоставленных видами вооруженных сил вермахта в июле.

К началу августа отношения между Германией и Польшей заметно обострились. 4 августа польское правительство направило резкий ультиматум данцигскому сенату из-за якобы преднамеренного воспрепятствования польским таможенными инспекторами исполнять их обязанности. 9-го правительство Германии настоятельно попросило Польшу не повторять подобных шагов. На следующий день польское правительство ответило, что дальнейшее вмешательство рейха в отношения Польши и Данцига будет рассматриваться как акты агрессии.

Проявившаяся в этом обмене нот серьезность ситуации вынудила итальянского министра иностранных дел графа Чиано 11 августа отправиться в Зальцбург для встречи с немецким министром иностранных дел. Следующие два дня в Бергхофе он провел в длительных разговорах с Гитлером, который подробно разъяснил военно-политическую позицию Германии, согласно которой Польша в любом случае при большом конфликте будет находиться на стороне врагов Германии и Италии и что в настоящий момент ее быстрая ликвидация может оказаться выгодной из-за неизбежной стычки с западными державами. Чиано на это заметил, что согласно итальянской точке зрения конфликт с Польшей не ограничится только этой страной, а перерастет в европейскую войну. Гитлер ответил, что мнения по этому пункту у них расходятся. Лично он придерживался твердой уверенности, что западные державы в конце концов испугаются развертывания новой мировой войны. Чиано в этом сомневался, он полагал, что в

¹⁰ 51 действующая дивизия (а именно 35 пехотных, 4 моторизованные, 3 горные, 5 танковых и 4 легкие дивизии), 37 дивизий второй и третьей волны и 14 дивизий четвертой волны.

любом случае нужно принимать в расчет всеобщую войну, и объяснил, что к подобному Италия еще не готова. Поэтому дуче приветствовал бы отсрочку конфликта на максимально возможный срок. Он предложил заново подтвердить волю к миру Италии и Германии при помощи совместного коммюнике и лелеял мысль о международной конференции. Гитлер категорически отверг это предложение и выразил решимость при следующей провокации Польши начать действовать как можно быстрее и в любом случае определиться с ее политической позицией. Когда же Чиано поинтересовался, до какого числа польское правительство должно дать ответ относительно своей политической позиции, Гитлер ответил, что самое позднее – в конце августа, так как военные действия против Польши должны быть окончены к началу октября из-за погодных условий.

На следующий день, 14 августа, Гитлер высказался в таком же ключе перед главнокомандующим и начальником Генерального штаба сухопутных сил, которые прибыли в Бергхоф для того, чтобы доложить о положении дел. После обстоятельного описания политической ситуации и оценки военной силы западных держав он вновь выразил уверенность в том, что Англия достаточно шумно вмешается в немецко-польский конфликт, вероятно, порвет дипломатические отношения с Германией и полностью прекратит торговлю с ней, однако оружие применять не станет. Разумеется, все это произойдет только в том случае, если вермахт в самое ближайшее время добьется решительного успеха в Польше. Через 8 – 14 дней мир должен будет понять, что Польша находится на краю гибели. Естественно, сами операции могут длиться дольше. Ничего не меняется в отношении развертывания войск на востоке, на западе все необходимо провести также планомерно. Впрочем, все это будут мероприятия согласно спланированной таблице взаимодействия. А предварительное оповещение на государственной железной дороге, вероятно, должно пройти 15-го¹¹. Так и произошло, в тот же день негласно был отменен государственный съезд партии.

Во время этого обсуждения Гитлер упомянул, что переговоры о торговом договоре с Советским Союзом, стартовавшие в начале июля, привели к шаткому политическому контакту. Он собирался отправить одну видную личность в Москву для личных переговоров. После публикации записей об этих событиях казалось, что толчок для установления более тесных немецко-русских отношений исходил с советской стороны. Однако в последовавшей потом политической беседе и позже во время переговоров выяснилось, что именно Гитлер был движущей силой. Стремясь изолировать Польшу, он пытался при помощи предупредительной любезности переманить Сталина на свою сторону и противодействовать политико-военным переговорам с западными державами в Москве, целью которых было привлечение Советского Союза к участию в предоставлении гарантий городам, которым угрожала Германия. Охотно согласившись на российское желание после заключения пакта о ненападении усилить немецкое влияние на Японию и создать общую декларацию о прибалтийских странах, в отношении которых советское правительство хотело иметь полную свободу действий, он преодолел первоначальное недоверие советского государственного деятеля и быстро пришел с ним к согласию. На следующий день после того, как 19 августа было подписано немецко-советское торговое соглашение, Гитлер в личном послании попросил Сталина принять 22-го или, самое позднее, 23 августа министра иностранных дел рейха. Сталин выразил свою готовность. После этого 21-го числа германское информационное бюро и советское информационное агентство сообщили, что министр иностранных дел рейха прибудет в Москву для заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. Риббентроп прибыл утром 23-го, во второй половине дня у него состоялись длительные беседы со Сталиным, а также с наркомом иностранных дел Молотовым, во время которых были быстро разрешены некоторые из еще стоявших

¹¹ Предварительное оповещение было необходимо дать для того, чтобы железнодорожники вовремя подали составы для транспорта, необходимого для стратегического сосредоточения и развертывания.

вопросов. В ночь на 24 августа в 2 часа по средневропейскому времени были подписаны пакт о ненападении и секретный протокол. Согласно последнему в случае территориально-политического пере устройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) и Польского государства, северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. Граница сфер интересов Германии и СССР также будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Нарева, Вислы и Сана. С советской стороны подчеркивается и интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этой области. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

Несомненным является то, что своим большим внешнеполитическим успехом Гитлер подкрепил свое намерение прибегнуть к военному решению немецко-польского конфликта. Он считал практически невозможным активное вмешательство западных держав на стороне Польши. Это отчетливо проявилось в его речи, с которой он выступил после сообщения обоих информационных агентств о заключении договора. Это произошло во вторник, 22 августа, в полдень в большом зале Бергхофа. Там присутствовали главнокомандующие тремя видами войск вермахта, руководители штабов и начальники отделов Верховного командования вермахта¹².

Гитлер в своей речи, длившейся много часов и прервавшейся лишь на короткий перерыв на обед, заявил, что ему было ясно уже давно, что рано или поздно дело должно дойти до столкновения с Польшей. Решение действовать он принял еще весной после того, как Польша резко отклонила немецкое предложение о решении вопроса о Данцигском коридоре. Да и следующие веские причины говорят в пользу того, что нельзя откладывать ставшее неизбежным военное столкновение на другой, возможно еще более неблагоприятный момент.

1. Успех в значительной степени зависит от него. Ни один другой немецкий государственный деятель не пользуется таким доверием немецкого народа, как он. Он обладает таким большим авторитетом, каким в Германии не обладал ни один другой человек. Его существование является фактором огромного значения. Однако в любой момент он может быть уничтожен каким-нибудь преступником. Вторым персональным фактором является дуче, чья сильная личность является единственной гарантией союзнической верности Италии. На королевский двор нельзя положиться, так как в основном двор против Муссолини, и в расширении своей империи он видит лишь бремя для себя. От Испании можно ожидать благожелательного нейтралитета, но лишь пока во главе стоит Франко, что гарантирует определенную устойчивость нынешней системы.

2. Со стороны противника в том, что касается незаурядных личностей, картина создалась негативная. Чемберлен и Даладье едва ли решатся вступить в войну. Для них принять такое решение гораздо сложнее, чем для немцев, поскольку рисковать они будут многим, а выиграть могут довольно мало. Германии же терять нечего. Ее экономическое положение таково, что продержаться она сможет лишь несколько лет. Генерал-фельдмаршал Геринг может это подтвердить.

¹² В основе последующего пересказа лежат записи, сделанные автором вечером 22 августа 1939 года для журнала военных действий со слов начальника отдела обороны страны полковника Варлимонта, который подробно пересказал обращение Гитлера сразу же после своего возвращения из Бергхофа в Берлин. На следующий день эти записи были расширены благодаря стенографическим записям, сделанным адмиралом Канарисом, начальником абвера, непосредственно во время выступления Гитлера. Вероятно, полного протокола речи не существует. Гитлер говорил абсолютно свободно, служебные стенографисты не присутствовали. Участникам же согласно настоятельным рекомендациям Гитлера было запрещено что-либо записывать.

3. Политическая ситуация также благоприятна для Германии. На Средиземном море еще со времени абиссинской войны положение напряженное. На Ближнем Востоке события в Палестине также стали причиной ситуации, вызывающей тревогу всего мусульманского мира. В Восточной Азии японо-китайский конфликт связывает англосаксонские силы. Впрочем, все заметнее становятся последствия мировой войны, как для Англии, так и для Франции. Ирландия практически полностью отделилась от Британской империи, Южная Африка стремится к большей независимости, Индия из года в год доставляет все больше неприятностей. Великобританию может ждать серьезная опасность. Что же касается Франции, то она сейчас находится на спаде из-за остановившегося развития ее народного духа, а проблемы с коррупцией в ее внутренней политике лишь увеличивают эту слабость. Таким образом, на Средиземном море угроза исходит лишь от Италии. На Балканах со времени захвата Албании, что произошло на Пасху 1939 года, установилось равновесие сил. Югославию можно считать преданным другом Германии, однако она слаба и несет в себе зародыш распада, ввиду своих внутривосточных отношений и внешнеполитической уязвимости. Румынии угрожают Венгрия и Болгария. Турцией правят слабые лидеры, поэтому энергичной политики от нее ждать не приходится. Так что в настоящий момент общая ситуация для Германии складывается вполне благоприятно, однако сомнительно, что через два-три года эти обстоятельства сохранятся.

4. В конце концов, чрезвычайно важно опробовать новый немецкий вермахт в ограниченном конфликте, прежде чем дело дойдет до окончательного сведения счетов с державами – победительницами мировой войны. Это испытание вермахта будет иметь огромное значение как для него самого, так и для его положения в общественном мнении.

На прежнюю, проводившуюся с 1934 года политику взаимопонимания с Польшей ему было тяжело решиться. Принятию предложений, которые Гитлер делал польскому правительству для окончательного урегулирования вопроса о Данцигском коридоре, а также для определения будущих немецко-польских отношений, вероятно, препятствовала Англия. На это Польша ответила частичной мобилизацией и стягиванием войск у Данцига, что повлекло за собой напряженность, которая со временем стала нестерпимой. Нельзя позволить врагу развязать неизбежный вооруженный конфликт, если нет желания передать инициативу в чужие руки. Англия всеми силами старается прийти к сомнительному компромиссу, требующему определенных обязательств для Германии, и снова заговорить на языке Версаля, однако он не поддастся, ведь момент для изоляции Польши и окончательных действий самый благоприятный.

Несмотря на то что военные действия против Польши являются риском, на него необходимо пойти с железной решимостью. Однако он как прошлой осенью, так и нынешней весной абсолютно уверен, что риск себя оправдывает, так как и Англия, и Франция приняли на себя обязательство оказать помощь Польше, но ни та ни другая не в состоянии его выполнить. Да и англо-польские переговоры еще не привели к заключению договора. Ему казалось невозможным, что британский государственный деятель возьмет на себя риск участвовать в войне при столь тяжелом положении в мире. Однако в этот раз Англия попытается избежать ошибок, совершенных весной 1938 года, которые привели к ранней капитуляции, и поэтому до последнего момента будет пытаться блефовать. Что же касается Франции, то ввиду малой рождаемости она вряд ли пойдет на большие жертвы кровавой войны. У обеих стран есть лишь две возможности помочь Польше: блокада Германии и нападение на западе. Первое было бы безрезультатным, поскольку Германия встретит его территориальными завоеваниями на востоке. Второе же немыслимо по психологическим причинам и безнадежно, потому что ни одна из стран не стала бы нарушать нейтралитет Бельгии и Голландии. Также маловероятно наступление Великобритании и Франции на Италию. В самом худшем случае, ввиду того что немецкое производство сейчас гораздо лучше развито, чем в 1918 году, Германия сможет выдержать продолжительную войну, к которой всегда будет стремиться Англия.

Что же касается Советского Союза, на который западные державы собирались возложить все свои надежды в случае завоевания Польши, то в ближайшее время в Москве будет заключен пакт о ненападении. Инициатива исходила от Советской России. Сам же Гитлер был убежден уже довольно давно, что Россия никогда не пойдет ни на какое английское предложение. Ведь Сталин не заинтересован в сохранении Польши и знает, что, если дело дойдет до войны между Германией и Советским Союзом, его режиму придет конец, все равно, выйдут ли его солдаты из войны победителями или же потерпевшими поражение. Благодаря немецко-русскому пакту о ненападении западные державы лишились всех козырей, что окажет решающее влияние на их дальнейшие решения. Для Германии же заключение этого пакта означает не только чрезвычайное экономическое усиление, но и полный поворот в ее внешней политике. Положено начало уничтожению гегемонии Англии. Теперь, когда проведены необходимые дипломатические приготовления, путь солдатам открыт.

После короткого перерыва на обед Гитлер продолжил. По его словам, дальнейший образ действий Англии и Франции все же нельзя предсказать с абсолютной уверенностью. Тем более необходимы решительные действия. Твердый настрой в обществе является долгом каждого. Это сильно зависит от примера руководства. Немецкий народ, находящийся под психологическими последствиями величайшего кризиса своей истории, должен через жертвы и тяготы заново проявить свою силу. Борьбу ведут не машины, а люди, психологические факторы имеют решающее значение. Окончательной победы можно добиться лишь благодаря непоколебимой силе духа, что и показывает пример Фридриха Великого. Подобный образ действий таит в себе успех.

Задачей вермахта является уничтожение польских вооруженных сил, даже если на западе вспыхнет война. Речь идет не о достижении какой-то определенной линии, а об уничтожении всех живых сил противника. При этом не нужно беречь материальную часть и экономить боеприпасы. Гитлер собирался дать повод к развязыванию конфликта при помощи воздействия пропаганды. Правдоподобие не важно. Речь идет не о правде, а о победе. Поэтому не должно быть никакой жалости, никаких проявлений человеческих чувств. Немецкий народ не может жить на нынешней территории, и он обязался предоставить ему большее жизненное пространство. 80 миллионов человек должны получить то, что им положено по праву, их существование должно быть обеспечено.

Скорость в достижении результата имеет огромное значение во время операции. Оба наступательных клина должны быстро пробиться к Висле и Нареву. Руководство должно быстро приспосабливаться к новой обстановке. Новые польские формирования необходимо быстро разбивать. Врага нужно поражать беспощадными атаками люфтваффе. Немецкое техническое превосходство должно здорово потрепать нервы полякам. Он возлагает большие надежды на немецких солдат, его вера в их мужество и способности непоколебима.

После поражения Польши он установит новую восточную границу, которая, однако, будет отличаться от той линии, до которой должна добраться армия. Он думает об увеличении территории государства при помощи нейтральных стран или протектората над Польшей.

Гитлер завершил свою речь, сказав, что, по его твердому убеждению, новый немецкий вермахт соответствует всем предъявляемым требованиям и что о дате начала операции он объявит позже, вероятно утром в субботу. Однако уже до обеда следующего дня было объявлено, что наступление намечено на 26 августа на 4.30.

Между тем 22 августа британское правительство официально объявило о том, что информация о предстоящем заключении пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом принята к сведению, и без промедления решило, что подобное событие никоим образом не касается его обязательств по отношению к Польше. Одновременно Чемберлен отправил Гитлеру личное письмо, в котором он, ссылаясь на уже принятые и еще готовящиеся мероприятия по мобилизации, подчеркнул решимость Великобритании поддержать Польшу, однако также

выразил готовность поучаствовать в прямых немецко-польских переговорах и, как только будет достигнута мирная атмосфера, обсудить проблемы, касающиеся Германии и Англии. Поздним вечером 23 августа Гитлер передал из Бергхофа британскому послу Невилу Гендерсону ответное письмо. В нем он утверждал, что поведение Англии уничтожило желание Польши к переговорам с Германией и воодушевило польское правительство вызвать волну терактов против немецких этнических групп в Польше и экономически «задушить» Данциг. Также там говорилось, что немецкое правительство не позволит себя отвлечь недавними британскими заявлениями от соблюдения интересов рейха в отношении Польши и что дальнейшие британские мероприятия по мобилизации повлекут за собой немедленную мобилизацию немецкого вермахта.

На следующий день в столицу рейха вернулись Гитлер из Бергхофа и министр иностранных дел из Москвы. Хотя после письма Чемберлена не оставалось больше никаких сомнений о том, как поведет себя Англия в случае нападения на Польшу, 24 августа в палате общин и палате лордов британский премьер-министр и министр иностранных дел лорд Галифакс еще раз признали свою ответственность перед Польшей. Обе палаты британского правительства в тот же день приняли Акт о чрезвычайных полномочиях, согласно которому правительство уполномочивалось безотлагательно принимать все требующиеся в зависимости от серьезности ситуации мероприятия. И даже тогда еще казалось, что Гитлер все еще верит в то, что Великобритания не встанет на сторону Польши из-за риска войны. Исключительно для того, чтобы облегчить британскому правительству отступление от этого обязательства, Гитлер решил сделать Англии последнее предложение. Он пригласил британского посла прийти в имперскую канцелярию 25 августа в 13.30 и сказал ему, что при любых обстоятельствах он решил устранить «македонское положение» дел на восточной границе рейха и решить вопрос Данцигского коридора. Однако после решения этой проблемы он собирается обратиться к Англии с еще более широким предложением. Он выразил готовность заключить соглашение, в котором гарантирует целостность Британской империи, и ввести в бой силы немецкого рейха, если того потребуют ограниченные колониальные претензии. Однако при этом немецкие обязательства перед Италией не должны быть затронуты. Также Гитлер твердо решил «никогда больше не вступать в конфликт с Россией». Он готов также согласиться с разумным ограничением в вооружении и признать западные границы незыблемыми. В конце концов он предложил британскому послу немедленно отправиться в Лондон для устного доклада и передал ему короткий протокол с записью своих слов. Сэр Невил Гендерсон выразил свою готовность, однако возразил, что чувствует себя обязанным сказать, что Великобритания не отступит от данного Польше обещания и может договориться с Германией лишь после мирного урегулирования немецко-польского конфликта. На следующее утро Гендерсон отправился в Лондон на самолете, который предоставила ему немецкая сторона.

Согласно плановой таблице взаимодействия плана «Вайс» Гитлер должен был отдать приказ о начале наступления 25 августа во второй половине дня, как было установлено ранее. Однако в 12.00 он уточнил у командования сухопутных сил, до какого времени можно отсрочить принятие решения. Ему ответили, что приказ, самое позднее, должен последовать в 15.00. Гитлер воспользовался этой отсрочкой, так как вначале он хотел дождаться, как британский посол воспримет сообщения об его намерениях. После беседы, занявшей примерно час, Гитлер, несмотря на заверения Гендерсона, в 15.00 отдал приказ начать наступление следующим утром в 4.30. Очевидно, он был уверен, что британское правительство прислушается к его предыдущему предложению и окончательно решит отказать Польше в военной помощи.

В 17.00 представитель информационного бюро в Лондоне по телефону сообщил пресс-службе министерства иностранных дел, что в этот самый момент заключается официальный

британско-польский договор о взаимопомощи¹³. Это сообщение вызвало шок в имперской канцелярии и заставило Гитлера засомневаться в том, правильно ли он оценил образ действий Англии. В любом случае ему казалось необходимым, прежде чем начать действовать, дождаться реакции британского кабинета на его предложение. Поэтому он решил отсрочить наступление. Он приказал главнокомандующим всеми видами войск вермахта прибыть к нему в 19.00 и распорядился временно не разворачивать военные действия и немедленно остановить передвижение войск. Однако необходимо продолжить развертывания на востоке и западе и мероприятия по мобилизации, приказ о которых был отдан ранее в тот же день. Днем начала мобилизации считалось 26 августа. Около 20.00 Верховное командование вермахта в письменном виде передало эти распоряжения. Ночью в управлении оперативного руководства вермахта господствовала тревога, удастся ли им вовремя передать столь поздно полученное опровержение приказа о наступлении частям оперативных соединений, которые находятся на границе наступления. То, что им это удалось, является удивительным достижением работы управления вермахта.

Бурное течение следующего дня здесь можно изобразить вкратце. 28 августа в 22.30 сэра Невил Гендерсон передал ответ британского правительства на послание Гитлера. В этом ответе был меморандум, в котором Англия выразила готовность обсудить любые соглашения после мирного решения немецко-польского конфликта и предложила прямые переговоры между Германией и Польшей для достижения взаимопонимания и подписания договора, удовлетворяющего важные польские интересы и дающего гарантии другим державам. Далее в меморандуме говорилось, что польское правительство выразило свою готовность принять подобные переговоры. Англия уверяла, что пустит в ход все свое влияние для достижения удовлетворительного решения.

29 августа в 18.25 Гитлер передал свой ответ британскому послу. В ноте говорилось, что рейх не может больше мириться с польским злоупотреблением власти в отношении Данцига и гонениями немецкого народа в Польше. Гитлер подвергал сомнению, что подобные разногласия можно решить путем прямых переговоров. Однако он принял английское предложение и выразил согласие с посредничеством британского правительства в организации приезда в Берлин польского представителя, наделенного полномочиями. Правительство Германии, говорилось дальше, рассчитывает на прибытие этого посредника на следующий день, а пока оно разработает предложение по урегулированию разногласий, которое сочтет приемлемым. Сэр Невил Гендерсон тотчас указал на то, что это предложение похоже на ультиматум. Гитлер стал яростно это отрицать и объяснил, что спешка требуется ввиду того, что существует опасность убийства немецких граждан в Польше и что на границе, где две полностью готовые к бою армии находятся друг против друга, может дойти дело до неприятных инцидентов.

В тот же вечер Гендерсон ознакомил польского посла с ответом Германии и добавил, что следует немедленно просить варшавское правительство тотчас же назначить кого-либо, чтобы он представлял интересы Польши. На следующее утро в 4.00 британское правительство сообщило в Берлин, что ответ немцев будет тщательно изучен, однако, как подчеркивалось, неразумно ожидать, что представитель Польши прибудет в Берлин в течение 24 часов. Во второй половине дня 30 августа британский премьер-министр передал фюреру личную ноту, в которой просил немецкое правительство – с аналогичной просьбой он обратился и к правительству Польши – принять меры во избежание пограничных инцидентов. В полночь британский посол передал министру иностранных дел рейха вполне ожидаемый ответ его правительства на немецкую ноту от 29 августа. Там говорилось, что британское правительство немедленно известило польскую сторону о готовности Германии принять участие в прямых переговорах с Польшей, однако считает невозможным установить связь между Варшавой и Берлином уже

¹³ Соглашение было подписано в Лондоне в 17.40 по средневропейскому времени.

сегодня. Сэр Невил Гендерсон в соответствии с поручением устно добавил, что его правительство находится не в том положении, чтобы советовать польской стороне отправить своего представителя в Берлин, и предлагает прибегнуть к обычной дипломатической процедуре, то есть вручить немецкие предложения польскому послу для передачи в Варшаву. Министр иностранных дел рейха фон Риббентроп возразил, что английское посредничество проявилось лишь в том, что во второй половине дня в Польше была объявлена общая мобилизация, а вопрос о немецких предложениях больше не является актуальным, так как до полуночи представитель Польши так и не появился. Однако он хочет зачитать послу составленные правительством рейха предложения. После этого он зачитал сэру Невилу Гендерсону на немецком языке документ, состоящий из шестнадцати пунктов. Это и были предложения Германии по урегулированию вопроса Данцигского коридора и проблемы немецких национальных меньшинств в Польше. Там говорилось, что Данциг немедленно возвращается Германии, территория коридора, за исключением польского порта Гдыня, должна самостоятельно определить свою государственную принадлежность путем голосования, которое необходимо будет провести не ранее чем по истечении двенадцати месяцев, а до этого момента она должна подчиняться международной комиссии, которую нужно было немедленно создать. Германия или Польша после получения результатов голосования получали экстерриториальные пути для связи с Данцигом и Восточной Пруссией или Гдыней. Что же касается немецко-польского национального вопроса, то его необходимо вынести на рассмотрение международного следственного комитета. Риббентроп категорически отклонил просьбу сэра Невила Гендерсона взглянуть на документ, поскольку эти предложения, как было сказано, отныне устарели.

Несмотря на это, британское правительство продолжало усиленно стараться устроить прямые немецко-польские переговоры. После новых заявлений в Варшаве оно сообщило правительству рейха в полдень 31 августа, что польское правительство выйдет на связь с ним через своего представителя в Берлине. И действительно, польский посол Липски в 18.15 появился в министерстве иностранных дел, однако лишь для того, чтобы сообщить, что его правительство тщательно обдумало возможность предложенных британской стороной прямых переговоров. Однако он должен отрицательно ответить на вопрос министра иностранных дел рейха о том, уполномочен ли он вести переговоры о немецких предложениях. По радио в 21.00 официально сообщили о вариантах решения польско-немецкого конфликта, предложенных немецким правительством. Польская сторона через радиосообщение категорично отвергла эти предложения, как полностью неприемлемые.

В то время решение воевать или решить дело миром было уже принято. Главнокомандующий сухопутными войсками сообщил фюреру во второй половине дня 28 августа, что нет больше возможности контролировать концентрацию собственных сил в непосредственной близости от немецко-польской границы в том состоянии, в котором они сформировались еще 25-го числа. Необходимо либо расходиться, либо идти вперед, в теперешней ситуации нет возможности долгое время стоять на одном месте. После этого Гитлер назначил новую дату начала наступления. Ею стало 1 сентября, однако на тот момент еще существовала вероятность отсрочки или даже отмены наступления. Впрочем, он рассказал генерал-полковнику фон Браухичу, что все его усилия направлены на то, чтобы поставить Польшу в неблагоприятную позицию в переговорах. Во второй половине дня 30 августа всем видам войск вермахта было отдано предварительное распоряжение подготовиться к началу наступления, которое должно начаться 1 сентября в 4.30 утра. Если же в ходе переговоров, как было сказано далее, потребуется еще одна отсрочка, то речь будет идти лишь об одном дне, так как уже после 2 сентября атаку можно не принимать в расчет, потому что тогда все операции придется проводить поздней осенью при очень неблагоприятных погодных условиях. После того как 30-го числа в Берлине напрасно прождали польского представителя, 31 августа примерно в 16.00 Гитлер отдал окончательный

приказ о начале наступления следующим утром. Согласно предложению главнокомандующего люфтваффе наступление должно было начаться в 4.45 по немецкому летнему времени.

Остается вопрос, действительно ли Гитлер рассчитывал на то, что Великобритания останется в стороне и новая мировая война не будет развязана. Вероятно, да, об этом говорит и подавленное настроение в имперской канцелярии в день, когда Англия и Франция объявили о своем вступлении в войну, и то обстоятельство, что Гитлер отказался 31 августа отдать приказ об эвакуации гражданского населения с западной пограничной зоны. Необходимо принимать в расчет, что западные державы, вступившие в войну ради своего престижа, должны были вести себя совершенно пассивно. В вышедшей для частей вермахта 31 августа директиве № 1 на ведение войны говорилось: «На Западе ответственность за ведение боевых действий следует возложить исключительно на Англию и Францию. Незначительные нарушения наших границ должны вначале ликвидироваться местным порядком. Необходимо строго соблюдать нейтралитет, гарантированный нами Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии. Германская сухопутная граница на западе не должна быть пересечена ни в одном пункте без моего специального разрешения. То же самое относится к военно-морским действиям, а также другим действиям на море, которые могут расцениваться как военные операции. Военно-воздушные силы должны в своих действиях пока ограничиться противовоздушной обороной государственных границ и стремиться по возможности не нарушать границ нейтральных стран при отражении налетов, как отдельных самолетов, так и небольших авиационных подразделений».

Для наступления на Польшу главное командование сухопутных войск выделило 52 дивизии, которые насчитывали около 1,5 миллиона человек. Туда входили 39 действующих дивизий, среди них все танковые, моторизованные и легкие формирования, и 13 дивизий второй и третьей волны. Оборона западной границы была поручена группе армий «С» генерал-полковника фон Лееба, которой подчинялись 5-я армия генерала пехоты Либмана, 1-я армия генерал-полковника фон Вицлебена и 7-я армия генерала пехоты Дольмана. К началу войны в ее распоряжении находились 31 дивизия, среди них 12 действующих, а при необходимости к ним могло присоединиться еще 5 дивизий второй волны и немного позже сформированные 14 дивизий четвертой волны. Также необходимо учитывать 58 тысяч человек, мобилизованных имперской службой трудовой повинности, и 158 тысяч работников Организации Тодта, которых отправили на постройку Западного вала и которые должны были помочь при его обороне. Итого в ее распоряжении находилось около 950 тысяч человек.

Основной задачей разработанного Генеральным штабом армии плана кампании против Польши являлось уничтожение главных сил польской армии¹⁴, предположительно находящихся в излучине Вислы между Краковом и Бромбергом, при помощи охватывающего наступления с юго-запада и северо-запада. Для этого там находилось две группы армий: южная – под командованием генерал-полковника фон Рундштедта (включая 35 дивизий из резерва армии) в Верхней Силезии и Словакии и северная – генерал-полковника фон Бока (включая 17 дивизий из резерва армии и 1 кавалерийскую бригаду) на западной границе коридора и в Восточной Пруссии. В группе армий «Юг» движение по направлению главного удара легло на плечи 10-й армии генерала артиллерии фон Рейхенау. При помощи сильных танковых и моторизован-

¹⁴ Общая численность польской действующей армии насчитывала 45 пехотных дивизий (среди них 15 резервных), 12 кавалерийских и 2 моторизованные бригады – фактически же было 40 дивизий, 11 кавалерийских и 2 моторизованные бригады. В излучине Вислы на территории Кракова находилась армия, состоящая из 6 дивизий, 1 кавалерийской и 1 моторизованной бригад, в Познани – армия в составе 4 дивизий и 2 кавалерийских бригад, а на территории к северо-востоку от Лодзи – армия в составе 6 дивизий, 1 кавалерийской и 1 моторизованной бригад, в качестве резерва армии. В коридоре между Бромбергом и Гдыней насчитывалось 6 дивизий, на южной границе на линии Млава – Ломжа – Цеханув – 6 дивизий и 3 кавалерийские бригады, а на территории Сувалок – 1 дивизия с сильной кавалерией. Кроме перечисленных, на границе с Карпатами находилось 3 или 4 дивизии и на польской восточной границе – пограничные корпуса, состоящие из 6 слабых бригад. Остается еще около 8 дивизий, об использовании которых нет никаких упоминаний.

ных сил армии должны были прорваться из территории Кройцбурга к Висле у Варшавы, то есть их задача была двигаться в северо-восточном направлении. Справа их прикрывала 14-я армия генерал-полковника Листа, главные силы которой направились из Верхней Силезии в восточном направлении, а оставшиеся части – из Словакии через Бескиды в северо-восточном, чтобы повернуть на север после уничтожения находящихся в промышленном районе Польши сил противника к востоку от Вислы. Левый фланг армии Рейхенау находился под защитой 8-й армии генерала пехоты Бласковица, которая, расположившись эшелонами, должна была продвинуться с территории Бреслау по направлению к Варшаве и при этом принять на себя ожидаемый боковой удар от собранных у Познани польских сил и отбить атаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.